

Подмосковный Версаль

Сергей Диковинный

Сергей Диковинный

Подмосковный Версаль

<https://litres.ru/74547973>

SelfPub; 2026

Аннотация

Иногда, чтобы понять, где твой дом, надо уехать очень далеко. Не потому, что там плохо. А потому, что там — хорошо, но не твоё.

Шестеро девятнадцатилетних друзей отправляются в Архангельское — подмосковную усадьбу, которую называют русским Версалем. А оттуда, по одной кнопке старого будильника, — в настоящий Версаль: золотой, огромный, симметричный, величественный.

Там всё правильно. Все деревья подстрижены, все фонтаны на местах, все аллеи под углом. Там всё — по линейке. И там люди не смеются.

А в маленькой подмосковной усадьбе, у Москвы-реки, где скульптуры без рук и где бабушка на входе подмигивает коту, — там смеются. Там живут. Там своё.

Повесть о том, что домашнее нельзя перенести кнопкой. Домашнее — только своими ногами. Через электричку, через пирожки в тамбуре, через холодный октябрьский вечер. Через всё, что между.

Содержание

Глава 1. Подмосковный Версаль	4
Глава 2. Кнопка	12
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Подмосковный Версаль

Глава 1. Подмосковный Версаль

Всё началось с того, что Алиса сказала:

— В субботу едем в Архангельское.

И, как всегда, сказала так, что возражений не предполагалось.

Мы сидели у неё дома. Она пила чай, листала что-то в телефоне и время от времени поднимала глаза — так делают люди, которые уже приняли решение, а тебе просто сообщают. Макс лежал на диване и смотрел в потолок. Егор читал что-то в планшете. Соня сидела у окна и молчала. Лёха крутил в руках какую-то механическую штуку — я сначала не понял, какую.

— В Архангельское? — спросил Макс. — Это которое музей-заповедник?

— Да.

— А что там?

— Подмосковный Версаль, — сказала Алиса. — Усадьба Юсуповых. Дворец, парк, террасы. Двести гектаров. Дворцово-парковый ансамбль восемнадцатого-девятнадцатого века. И «Голубиная» беседка, между прочим.

— «Голубиная» — это как? — спросил Лёха.

— Не «Голубиная», а «Голубка», — поправил Егор, не отрываясь от планшета. — Павильон «Голубка». Работа архитектора Тюриня. На самом деле там никогда не было голубей, это просто название.

Мы все посмотрели на Егора. Егор был единственный, кто что-то знал. Как обычно.

Макс сел.

— И что, там реально как в Версале?

— Не как, — сказала Алиса. — По-своему. Это усадьба. Русская усадьба. Только большая.

Идея нам понравилась.

Усадьба, парк, осень, Москва-река, старые липы. Мы все любим такие вылазки. Ещё в школе ездили – кто в Коломенское, кто в Кусково, кто в Царицыно. А тут — Архангельское, куда никто из нас ещё ни разу не ездил, хотя до него от дома было сорок минут на машине.

— А как едем? — деловито спросил Егор.

— На электричке, — сказала Алиса. — До Павшино, потом автобус. Просто.

И тут Лёха посмотрел на неё очень странно.

Он перестал крутить свою штуку. И сказал:

— А зачем?

Все обернулись.

— В смысле — зачем? — не поняла Алиса.

— Зачем ехать? — уточнил Лёха. — Электричка. Автобус. Полтора часа пилить. Полтора часа обратно. Полдня уйдёт на дорогу.

— Ну и что?

— А у нас есть будильник.

Он сказал это спокойно. Как говорят о чём-то совершенно обычном. Будто сказал: «А у нас есть чайник».

И в комнате стало тихо.

Про будильник знали все.

Наверное, я должен объяснить. Это штука от капитана Немо. Ну то есть от того самого капитана — из того самого путешествия, про которое мы никому не рассказываем. Мы потом получили ещё один артефакт: старый механический будильник с большим циферблатом и одной маленькой кнопкой сверху. С тех пор он всегда был у Лёхи. Лёха — он такой, он отвечает за артефакты. У Сони — бутылочка в сургучной пробке, у Макса — чёрный камень, у Алисы — засушенная водоросль, у Егора — целая тетрадка записей, а у Лёхи — ключ и будильник. Ключ уже пригодился. Будильник — пока нет.

Инструкция была простая и странная: нажимаешь на кнопку — перемещаешься. Куда — зависит от того, где ты думал быть в момент нажатия. Кот-мореход появляется всегда. Мы проверяли один раз — по глупости, из любопытства. Переместились из Лёхиной кухни на ту же самую Лёхину кухню через секунду. Скучно. Кот пришёл. Посмотрел на нас. Ушёл. Больше не пробовали.

Но мысль-то была.

Электричка — полтора часа. Будильник — секунда.

Алиса сказала:

— Ты хочешь нажать на кнопку и переместиться в Архангельское.

— Ага, — сказал Лёха.

— Прямо отсюда.

— Ага.

— Из моей квартиры.

— Ну да. Тут места много. Вон, у окна.

Мы притихли.

Кот-мореход. Забыл сказать — он появляется каждый раз. Каждый раз, когда нажимаешь на кнопку. Всегда. Неважно, куда. И уходит, когда его время. Но он **есть**. И это всегда странно. Каждый раз — странно.

Соня вдруг сказала:

— А давайте.

Мы обернулись.

Она сидела у окна, как раньше, и смотрела на нас. Как всегда — тихо. И как всегда — когда она говорила, все слушали.

— Что — давайте? — спросил Макс.

— Давайте нажмём, — сказала Соня. — Что нам, трудно?

И это решило дело.

Мы встали — не сразу, но встали. Отодвинули столик от окна. Освободили место. Алиса попросила Лёху не ставить будильник на подоконник — она боится за цветок. Лёха не стал ставить на подоконник. Он держал его в руке.

— Так, — сказал он. — Все думаем про Архангельское. Все. Один раз, сильно. Дворец, парк, Москва-река. Кто хочет — глаза закройте.

— Не хочу, — сказал Макс.

— Значит, не закрывай.

Мы встали в круг. Это было глупо. Мы это понимали. Но всё равно встали. Мы стояли друг к другу лицом, дышали, думали про Архангельское — про дворец, про липы, про Москву-реку, про то, что Алиса сказала про «Голубку», — и это было **очень** странное ощущение. Как будто мы участвуем в каком-то ритуале. Как тогда, на дне. Только тут не было ни глубины, ни воды, ни синих куполов. Только мы, шестеро, в квартире, у окна, в осенний день, и в руке у Лёхи — дурацкий механический будильник, который тикал, тикал, тикал...

А потом Лёха нажал на кнопку.

Ничего не произошло.

Я честно говорю — ничего. Ни вспышки, ни рывка, ни шума. Просто одно мгновение мы стояли в квартире Алисы. А в следующее — **не стояли**.

Мы стояли на траве.

Под ногами была трава. Настоящая, зелёная, осенняя — с сухими листьями, с маленькими веточками, с той самой чуть-чуть холодной сыростью, которая бывает по утрам в парках. Над головой — небо. Серое, спокойное, с птицами. Впереди — длинная аллея, а в конце аллеи — дворец. Настоящий. Жёлто-белый, с колоннами, с широкой лестницей, с чем-то похожим на купола вдалеке. А слева, за деревьями, угадывалась Москва-река.

И тишина. Не потому, что пусто, — люди были. Просто тишина была **другая**. Парковая. Осенняя. Просторная.

Я стоял и не мог понять, что произошло. Я даже не успел

подумать.

А потом рядом кто-то сказал:

— Ой.

Мы обернулись.

Рядом с нами стояла экскурсия.

Человек двадцать. С экскурсоводом. С бейджиками. С наушниками. Все смотрели прямо на нас.

Секунду.

Две.

Три.

Мы смотрели на них. Они — на нас. Экскурсовод открыл рот, чтобы что-то сказать, и закрыл. Кто-то в группе снял наушники. Кто-то охнул. А потом — мужчина в очках уронил телефон. Прямо на траву. Телефон упал, никто его не поднял. Все продолжали смотреть.

И вот тогда на траву рядом с нами вышел **кот**.

Обычный кот. Полосатый. Немного упитанный. Но — в тельняшке. Полосатая тельняшка синего цвета, ровно по фигуре, застёгнута на две пуговицы. И ещё — с деревянной трубкой в зубах. Не настоящей, конечно. Или настоящей. Я до сих пор не знаю. Он вышел на траву, сел, посмотрел на экскурсию. Потом посмотрел на нас. Потом вынул трубку из зубов и **поднял лапу — приветствуя.**

Экскурсия закричала.

Не вся. Половина. Экскурсовод попятился. Мужчина в очках наконец нагнулся за телефоном. Кто-то снимал. Кто-

то спрашивал: «Кто вы?! Что это было?! Как вы тут оказались?!» Алиса сказала:

— Простите. Мы из другой экскурсии.

И это, странным образом, всех успокоило.

По крайней мере, перестали снимать. Потом экскурсовод отозвал свою группу, и все пошли к дворцу — бодро, стремительно, стараясь не оглядываться. Только один мальчик лет десяти обернулся и помахал нам рукой. И коту — тоже помахал.

Кот посмотрел ему вслед. Потом сел на траву. Потом вытянул заднюю лапу, почесал за ухом. И остался сидеть. Как будто он тут всю жизнь сидит.

— Ну вот, — сказал Лёха. — И никакой электрички.

Мы все стояли и смотрели вокруг.

Мы были в Архангельском.

Глава 2. Кнопка

Первые полчаса мы просто ходили.
Не разговаривали. Просто ходили. Наверное, это было

лучшее, что мы могли сделать после того, как материализовались на глазах у двадцати незнакомых людей. Мы шли по аллее к дворцу и молчали. Все шестеро.

Аллея была длинная. Липы по бокам — старые, толстые, с уже начавшей желтеть листвой. Между липами — скульптуры. Белые, мраморные, потемневшие от времени, немного облупленные, некоторые без рук. Я не знал, кто именно тут стоял, а кто без рук.

Егор — знал.

— Это копии античных, — сказал он через плечо. — Оригиналы при Юсупове привозили из Италии. Часть потом отдали в музей. Часть — вот.

— А почему у той головы нет? — спросил Макс.

— Потому что триста лет на улице, — сказал Егор.

— Понял, — сказал Макс и пошёл дальше.

Кот шёл с нами. Он шёл, как будто так и надо — немного впереди, но с отставанием, будто проверяя, идём ли мы. Когда мы останавливались у скульптуры, он тоже останавливался. Садился. Смотрел.

— Он нас пасёт, — сказала Соня.

— Не «пасёт», — сказал Егор. — Он сопровождает.

— Он пасёт, — повторила Соня.

Егор не стал спорить.

Дворец был красивый.

Жёлтый с белым, с колоннами, с балконом, с лестницей. Классика — без излишеств. Не Версаль, конечно. Но и не

дача. Что-то среднее. Что-то **своё**.

Алиса сказала:

— Ну? И как?

Мы стояли у подножия лестницы.

— Похоже на Версаль, — сказал Макс. — По цвету.

— По цвету — любой жёлтый дом похож на Версаль, — сказал Егор.

— Ну, не скажи.

— Скажу.

Алиса сказала:

— Не спорьте. Пойдёмте внутрь.

И мы пошли.

Внутри было прохладно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.